

УДК 316(438)

## НОВЫЙ АВТОРИТАРИЗМ: КРИЗИС ИЛИ КОНЕЦ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ?

ЕЖИ ВЯТР<sup>1), 2)</sup>

<sup>1)</sup>Европейская высшая школа права и управления, ул. Гродзенска, 21/29, 03-750, г. Варшава, Польша

<sup>2)</sup>Варшавский университет, пр. Краковское предместье, 26/28, 00-927, г. Варшава, Польша

Представлено мнение автора о кризисе либеральной демократии. Проводится различие между современным и предыдущими ее кризисами. Рассматривается становление авторитарных режимов нового типа, выделяются их характерные особенности. Утверждается, что, в отличие от авторитаризма прошлого века, прочность авторитарных режимов нынешнего столетия основывается не на применении насилия, а на сохранении поддержки избирателей. Отмечается, что социальные источники данной поддержки имеют не только экономический, но и культурный характер, обусловлены разрушением демократических институтов. Сформулирован вывод о необходимости проведения реформ институтов представительной демократии, а также изменения социально-экономической и образовательной политики, призванных снизить угрозу краха либеральной демократии.

**Ключевые слова:** либеральная демократия; новый авторитаризм; кризисы либеральной демократии; верховенство права; национализм.

## THE NEW AUTHORITARIANISM: THE CRISIS OR THE END OF LIBERAL DEMOCRACY?

JERZY VYATR<sup>a, b</sup>

<sup>a</sup>European Higher School of Law and Management, 21/29 Grodzieńska Street, Warsaw 03-750, Poland

<sup>b</sup>University of Warsaw, 26/28 Krakowskie Przedmieście Avenue, Warsaw 00-927, Poland

The article presents the author's opinion about the crisis of liberal democracy and highlights the distinction between the current crisis of liberal democracy and its previous appearances. Author considers the formation of new authoritarian regimes and defines their characteristic features. In contrast to authoritarian regimes of the last century, the strength of

---

### Образец цитирования:

Вятр Ежи. Новый авторитаризм: кризис или конец либеральной демократии? Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2019;3:25–31.

### For citation:

Vyatr Jerzy. The new authoritarianism: the crisis or the end of liberal democracy? *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;3:25–31. Russian.

---

### Автор:

Ежи Вятр – доктор социологии, профессор; почетный ректор<sup>1)</sup>, почетный профессор<sup>2)</sup>.

### Author:

Jerzy Vyatr, doctor of sociology, full professor; honorary rector<sup>a</sup>, honorary professor<sup>b</sup>.  
zhanna0607@mail.ru

authoritarian regimes of the new century is based not on the use of violence, but on maintaining the electoral support. The social sources of this support are not only economic, but also cultural, and are connected to the destruction of democratic institutions. Author concludes that reforms of the institutions of representative democracy and changes in social, economic and educational policies can reduce the threat of collapse of liberal democracy.

**Keywords:** liberal democracy; new authoritarianism; crises of liberal democracy; rule of law; nationalism.

В конце XX в. в размышлениях о политическом будущем мира доминировало оптимистическое убеждение о необратимом триумфе либеральной демократии. Холодная война завершилась победой демократического Запада и окончанием правления коммунистической партии в Европе, причем не только сменой системы, но и, что представлялось наиболее важным, распадом Советского Союза. Государства, возникшие в результате падения этой державы, в том числе Российская Федерация, находились в глубоком кризисе, и казалось, что ни одно из них не будет представлять угрозу глобальному доминированию блока демократических государств, сосредоточенных вокруг США. Несколько ранее демократические изменения произошли почти во всех латиноамериканских странах, включая такие оплоты авторитаризма, как Аргентина, Бразилия и Чили. Мировое господство Соединенных Штатов чаще всего рассматривалось как гарантия не только сохранения, но и постепенного расширения демократического порядка в мире.

Анализируя процесс преобразования государственного устройства в «посткоммунистической» Европе, я выражал убеждение, что в Центральной Европе, в отличие от стран, вошедших в СССР до 1939 г., демократические изменения носят постоянный, в сущности, необратимый характер [1], что, однако, не означало игнорирования мною возможности возникновения угроз и кризисов.

С прежним оптимизмом контрастирует сегодняшнее тревожное предчувствие, что мы стоим перед лицом краха либеральной демократии в глобальном масштабе. «Это, – говорит выдающийся эксперт в области политической теории Мартин Круль, – конец мира либеральной демократии, которая достигла феноменальных успехов в последние 70 лет на Западе и в последние 30 лет – у нас. Это было нечто невероятное в истории. Однако этому пришел конец» [2]. Более десяти лет назад о кризисе либеральной демократии и о перспективе ее замены гибридом под названием «нелиберальная демократия» писал американский публицист Фарид Закария [3].

Обоснованием для нынешней волны пессимизма служат три обстоятельства. Во-первых, это сдерживание того, что Сэмюэл Хантингтон назвал «третьей волной демократизации» в своей знаменитой книге, опубликованной в 1991 г. [4]. После выхода данной книги глубокие демократические перемены произошли только в Южно-Африканской Республике, где была отменена система апар-

теида и в 1994 г. были проведены демократические выборы, на которых одержали победу Африканский национальный конгресс и его лидер Нельсон Мандела. В государствах, возникших в результате распада СССР (за исключением Эстонии, Литвы, Латвии и Молдовы, вошедших в состав Союза в 1940 г.), изменение государственного устройства привело либо к установлению авторитарного правления, осуществляемого чаще всего бывшими руководителями республиканских коммунистических партий, либо к возникновению гибридных систем, в которых элементы представительной демократии переплетаются с остатками авторитарной власти, а также с мафиозными структурами. Демократические изменения не затронули коммунистические страны Азии. При этом Китайская Народная Республика демонстрирует бесспорные экономические и политические успехи, что подчеркивает или отодвигает в очень отдаленное будущее перспективу демократических перемен в самой населенной стране мира. Начавшаяся в 2011 г. «арабская весна» вопреки ожиданиям не привела к демократизации арабских государств (за исключением Туниса) и принесла хаос и даже гражданские войны (в Йемене, Ливии и Сирии).

Вторая причина растущего пессимизма – кризис американской гегемонии. В конце XX в. для многих аналитиков аксиомой являлось то, что глобальное господство этой демократической державы обеспечит расширение демократического пространства в мире. Однако этого не случилось. Соединенные Штаты были втянуты в войну с Ираком, что привело к подрыву авторитета США в мире и стало самой большой стратегической ошибкой этой страны за всю ее историю. Одним из последствий иракского фиаско стал рост антиамериканских настроений в исламских государствах, что наряду с другими обстоятельствами способствует сохранению авторитарных систем.

Третья и самая сложная причина нынешнего пессимизма – рост волны правого экстремизма и национализма не только во многих вышедших из диктатур в конце XX в. странах, но и в некоторых «старых демократиях». Победа Дональда Трампа на президентских выборах в США в 2016 г., сильная позиция Национального фронта во Франции и Лиги Севера в Италии, а также подобные явления в некоторых других государствах демократического Запада привели к ощущению того, что демократия находится в кризисе. Очень решительно – в пессимистическом тоне – об этом писал Зигмунт Бауман

в одном из своих последних социологических эссе, опубликованном уже после его смерти [5]. Клаус фон Байме видит основную угрозу демократии в нарастающей волне правого популизма и национализма [6; 7]. Адам Пшеворский в своей новой книге [8] выражает опасение, что демократия будет постепенно деградировать, однако он отказывается от крайне пессимистического видения упадка демократической системы в большинстве стран,

где она в настоящее время действует. Я разделяю его точку зрения и полагаю, что, хотя угроза серьезна, исход борьбы за политическое будущее нашего мира не предreshен. То, что демократия находится в кризисе, не обязательно означает ее конец: данный кризис может стать отправной точкой для глубоких реформ, результатом которых станет более сильная и устойчивая к испытаниям демократия.

### Старый и новый авторитаризм: сходства и отличия

Существует важное различие между современным кризисом либеральной демократии и его «предшественниками», в частности волной антидемократических переворотов в межвоенной Европе. Тогда свержение демократических систем – от итальянского Марша на Рим (1922) до гражданской войны в Испании (1936–1939) – было насильственным и привело к установлению диктаторских режимов, основанных на насилии. Этому не противоречит тот факт, что в некоторых странах пришедшие к власти диктаторы пользовались поддержкой большинства граждан. Главным образом так происходило в Германии, где поддержка Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) была особенно масштабной и продолжительной. Однако даже в этой стране диктаторская система основывалась не на демократически выраженной воле граждан, а на насилии. Когда лидер НСДАП Адольф Гитлер стал канцлером, он быстро провел серию антидемократических реформ, установив то, что Франтишек Рышка метко назвал «страной чрезвычайного положения» [9]. Франц Нейман, автор первой монографии о нацистском государстве, опубликованной в 1942 г., указывает, что Закон о чрезвычайных полномочиях, выступивший правовой основой для замены веймарской демократической системы партийной диктатурой, был принят в атмосфере террора, когда более 80 коммунистических и значительное число социалистических депутатов еще до этого оказались в тюрьме и поэтому не могли принять участие в голосовании [10, с. 60]. Насилие не перестает быть таковым по причине того, что оно используется при поддержке большинства. При многих антидемократических переворотах межвоенного периода открытое насилие, особенно в форме военного захвата власти, было источником авторитарного правления. Пример Майского переворота в Польше (1926) хорошо это иллюстрирует. Даже через два года после прихода к власти лагерь маршала Пилсудского не смог победить на демократических выборах 1928 г., поскольку оппозиционные партии пользовались поддержкой большинства избирателей.

Авторитарные изменения, происходящие во многих до этого демократических странах в XXI в., носят иной характер. Они не являются переворо-

тами, а выступают следствием того, что антидемократические группы получают поддержку избирателей на свободных и состязательных выборах. Это относится не только к завоеванию власти, но и к ее осуществлению. Характерная особенность нового авторитаризма заключается в том, что правители вновь получают мандат на правление на следующих выборах, при этом выборы по большому счету являются свободными, а у оппозиции есть реальная возможность участия в них. Прочность нового авторитаризма основывается не на применении насилия, а на сохранении политической поддержки. Между прошлыми авторитарными режимами и их современными аналогами существует также значительная разница в масштабах насилия. Первые широко применяли его не только в процессе завоевания власти, но и после того. В Аргентине во время последней военной диктатуры были убиты не менее 30 тыс. человек, а в Чили после государственного переворота – около 3 тыс. Даже относительно мягкий (по сравнению с другими) польский авторитарный режим 1926–1939 гг., хотя и не уничтожал массово своих противников, но тысячи из них заключил в тюрьму, в том числе в концентрационный лагерь в Березе-Картузской, основанный в 1934 г. Современные авторитарные системы обычно не используют массовые политические репрессии, не лишают свободы (по крайней мере, повально) своих противников и не применяют смертную казнь. Исключением (но все же без применения смертной казни) является волна репрессий в Турции после неудачного военного переворота в июле 2016 г., что, однако, в некоторой степени оправдано тем, что часть оппозиции прибегла к незаконным мерам по свержению власти, обладающей мандатом.

В социологии политики давно проводится различие между тоталитарными и авторитарными системами. Первые были определены Карлом Фридрихом и его учеником Збигневом Бжезинским в классической работе по автократии и тоталитаризму [11]. Согласно их определению, тоталитарные системы – это те и только те системы, которые характеризуются одновременно концентрацией всей политической власти в руках партии, идеологией, провозглашающей общее переустройство

мира, отсутствием политического плюрализма, монополией в экономике, политической и духовной жизни. Тоталитарная диктатура, понимаемая таким образом, была по своей природе партийным, а не военным режимом. Армия находилась под строгим контролем гражданских властей, который иногда (как в СССР в 1937–1938 гг.) осуществлялся с помощью массового террора.

Более полувека назад Хуан Линц – американский социолог политики испанского происхождения – провел важное теоретическое различие между тоталитаризмом и авторитаризмом [12; 13]. Данное различие было признано в науке, однако несмотря на это некоторые политики и публицисты упорно называют тоталитарными все диктатуры. Авторитарные системы в определении Линца характеризуются: 1) ограниченным политическим плюрализмом, который при этом не ведет к эффективной конкуренции за власть в государстве; 2) отсутствием господствующей идеологии, вместо которой существует определенный, не обязательно когерентный, ресурс мнений; 3) отсутствием интенсивной политической мобилизации; 4) осуществлением власти лидером или (в исключительных случаях) небольшой группой правителей в соответствии с плохо определенными институциональными нормами. Я бы добавил к этому ряду еще одну особенность, которая заключается в очень сильной, чаще всего доминирующей позиции армии и выходящих из нее политиков.

Такие (классические) авторитарные системы все еще можно найти в Азии и Африке, в то время как в Европе и Латинской Америке они исчезли в рамках «третьей волны демократизации». В Европе падение трех авторитарных режимов произошло в 1970-х гг. (в Португалии и Греции – в 1974 г., а в Испании – вскоре после смерти генералиссимуса Франко в 1975 г.). В Латинской Америке авторитарные системы были ликвидированы в 1980-х гг. Причем ни в Европе, ни в Америке не имел место возврат к авторитарным режимам, определенным выше.

Однако это не означает, что авторитаризм оказывается эхом прошлого. Его нынешнее воплощение, называемое новым авторитаризмом, имеет некоторые особенности, которые я обозначил в определении его в качестве системы концентрированной государственной власти, не считающей разделение властей, верховенство закона и конституционные нормы, ограничивающей гражданские права и свободы [14]. Именно отношение к закону и гражданским свободам является ключевым вопросом, без понимания которого невозможно уяснить суть нового авторитаризма. Он не лишен демократической легитимации. Наоборот, стабильные неавторитарные режимы характеризуются тем, что правители регулярно получают мандат на со-

стязательных выборах, в отношении которых даже противники нового авторитаризма не говорят о какой-либо фальсификации.

Это означает, что при анализе авторитаризма центральным вопросом является не способ завоевания и сохранения власти, а способ ее осуществления и в особенности отношение к закону, который выступает наиболее важной защитой свободы граждан.

Кризис либеральной демократии, о котором сейчас часто пишут и говорят, не является результатом лишения людей возможности решать, кто правит, а представляет собой кризис институтов, призванных гарантировать, что «народное правление» не превратится в «тиранию большинства» [15].

Однако это не новая проблема. Почти два столетия назад Алексис де Токвиль писал, что «во времена, когда правитель постоянно вмешивается во все сферы человеческой деятельности и когда частные лица слишком слабы, чтобы защитить себя, и слишком изолированы, чтобы рассчитывать на помощь себе подобных, судебная власть приобретает особое значение в деле защиты свободы» [16, с. 476]. Все новые авторитарные системы принимают – более или менее эффективно – действия, направленные на подчинение судебной власти политическому фактору: либо в виде всевластия исполнительной власти, либо в виде власти законодательной власти, свободной от конституционных ограничений, либо, в конце концов, в виде комбинации этих вариантов. Независимая судебная власть, в том числе и конституционная, является для нового авторитаризма неприемлемым источником правового импоссибилизма, когда политики не могут свободно осуществлять свои намерения, поскольку им препятствуют правовые нормы и охраняющие их суды. Идея «единой государственной власти», на которую когда-то ссылались для оправдания диктатуры коммунистической партии, возродилась в концепции, согласно которой национальные интересы – в понимании правящей группы – должны стоять над законом. Это выражается либо в действии представителей нового авторитаризма в обход закона, либо в пересмотре конституции, либо, если такой пересмотр невозможен, в подчинении ее положений политическим потребностям правящего лагеря. В этом смысле новый авторитаризм, как и его классический «предшественник», является отрицанием демократического правового государства. Ни степень поддержки, ни умеренность в применении насилия в этом отношении ничего не меняют.

При таком взгляде на новый авторитаризм решающее значение имеет понимание корней его политической поддержки. Пока она сильна, система функционирует слаженно, не испытывая серьезных потрясений и не прибегая к открытой силе. Однако



когда поддержка ослабевает, перед новым авторитаризмом возникает дилемма: отдать власть или продолжить правление, но уже на основе насилия, соответственно, по образцу старых авторитарных режимов. Основным условием сохранения высо-

кого уровня политической поддержки является оправдание тех ожиданий общественности, которые и привели к власти авторитарную партию.

Это подводит нас к вопросу об источниках поддержки нового авторитаризма.

## Социальные источники нового авторитаризма

Новый авторитаризм черпает свою силу в процессах, которые привели к кризису демократии в XXI в. Они не являются однородными и по-разному протекают в затронутых ими странах. Несмотря на значительные отличия между отдельными государствами, можно выделить несколько наиболее распространенных социальных процессов, дестабилизирующих либеральную демократию.

Одним из них является экономическая неудовлетворенность более бедных слоев населения и даже той части среднего класса, которая ощущает несправедливость в связи с экономической стагнацией (или в связи с ухудшением своего материального положения, что особенно проявляется в виде растущей диспропорции между ними и быстро богатеющим высшим классом). В первый период политических преобразований в бывших социалистических странах мы проводили совместные международные исследования угроз стабилизации для новых демократий. Среди таковых на первый план мы выдвигали социальные последствия экономической рецессии, безработицы и явно усиливающейся экономической поляризации [17]. Примерно в то же время, когда я писал об угрозе нового авторитаризма в Восточной Европе, я постулировал проведение социально-экономической политики, направленной на снижение социальной напряженности посредством «социального соглашения», основанного на компромиссах между правительством, группами капиталистических интересов, а также профсоюзами и земельными организациями [18, s. 212–213]. В те годы казалось, что острый конфликт на фоне экономической ситуации развивается единообразно только в тех странах, которые проходят системную трансформацию, так как хорошо функционирующее социальное государство на Западе, как мы думали, должно было предотвращать появление подобных проблем. Но все изменилось в текущем столетии, особенно под влиянием глобального финансового кризиса 2008 г. Адам Пшеворский среди причин нынешнего кризиса либеральной демократии выделяет экономическую стагнацию, рост неравенства и замедление процессов социальной мобильности [8, гл. 5]. Некоторым подтверждением социально-экономической интерпретации современного кризиса служит то, что кризисные явления сильнее проявляются в менее богатых странах. Однако и в более благополучных государствах есть признаки социального

недовольства, которое эксплуатируется авторитарными лидерами, что наиболее очевидно иллюстрирует пример президентства Дональда Трампа.

Нельзя недооценивать экономический фактор, но при этом нельзя сводить лишь к нему всю проблему. Исследования Мачея Гдули об авторитаризме в польских условиях привели его к выводу, что источники данного явления имеют не только экономический, но и культурный характер [19]. Это подтверждается, в частности, результатами выборов в местные органы власти в 2018 г., на которых партия «Право и справедливость» достигла лучших результатов в сельской местности, среди менее образованных избирателей, и в воеводствах, входящих в состав бывших российских и австрийских разделов, на основе чего можно сформулировать тезис, что правящую партию поддерживали более консервативные избиратели, которые привязаны к традициям и испытывают страх перед последствиями модернизации (не только экономической).

С этим взаимосвязаны рост и радикализация национализма. Я разделяю мнение Клауса фон Байме, который видит наибольшую угрозу для либеральной демократии именно в нарастающей волне национализма [7]. Исследования, проведенные Иренеушем Кшеминским в Польше, показывают, что антисемитизм в стране радикализировался в последние годы, однако это не означает, что он все шире распространяется среди населения, а указывает на то, что он принимает более открытую и жесткую форму [20]. Радикализация национализма является общей проблемой и требует более глубокого анализа. Похоже, что в ее основе лежит не одна причина, а совокупность ряда обстоятельств: неудовлетворенности, вызванной ухудшением условий жизни, что, согласно давно установленным закономерностям, ведет к агрессии и поиску козла отпущения; опасений, связанных с наплывом беженцев из Африки и Ближнего Востока; затянувшегося израильско-палестинского конфликта. Поскольку у данного явления нет единой причины, невозможно сформулировать простую программу борьбы с ним, которая будет эффективной в любых условиях. Однако можно надеяться, что рост национализма сопровождается более сильным, чем раньше, ростом сопротивления ему. Именно эта оппозиция является предпосылкой для умеренного оптимизма, выраженного в убеждении, что будущее не должно принадлежать гитлеризму и подобным движениям прошлого века.

Третьим источником кризиса демократии выступает разрушение демократических институтов в их нынешнем виде. Мы отмечаем повсеместный (хотя и протекающий в очень разном темпе) процесс ослабления традиционных политических партий, который используют новые, демонстративно антипартийные политические движения, появляющиеся как грибы после дождя. Войцех Садурский пишет: «Партийная система, в которой концепции управления сначала обсуждаются внутри и только потом подвергаются конкуренции с другими партиями, была в значительной мере заменена плебисцитной системой, в которой выборы являются в меньшей степени дебатами о партийных программах, а в большей – выражением мнения о лидерах партии» [21]. Последние

часто отказываются от своего реального лидерства в пользу подчинения «волеизъявлению народа», что наиболее ярко иллюстрирует решение бывшего премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона передать дело выхода Великобритании из Европейского союза в руки неподготовленных избирателей, голосовавших на референдуме, на котором условия «брексита» не были определены. Падение явки избирателей и рост политической апатии являются общей тенденцией, однако это не мешает возникновению случайной мобилизации вокруг какого-либо броского политического лозунга. Практически повсеместно отмечается и снижение доверия к политическим элитам, что дает импульс требованию массового «обмена элитами» [22].

### Реформа или конец либеральной демократии?

Хотя есть много причин для беспокойства о будущем демократии, я не разделяю убеждение пессимистов о ее неизбежном поражении. В странах с многопоколенческой демократической традицией авторитарным популистам даже при условии победы на отдельных выборах не удастся разрушить демократическую систему, что наглядно демонстрирует беспомощность Дональда Трампа перед американской системой разделения властей. Новый авторитаризм наиболее успешен на периферии демократического мира, в странах, которые недавно вышли из диктаторских систем.

Однако существует опасность распространения кризисных явлений и в области старых, устоявшихся демократий. В этой связи нужно серьезно, но в то же время без фаталистического пессимизма смотреть на проблемы, стоящие перед демократией в текущем столетии.

Это означает, что существует необходимость в обдуманных институциональных реформах и прежде всего в пересмотре образовательной деятельности, направленной против обозначенных процессов в сфере политического сознания, которые представляют угрозу для демократии.

В области социально-экономической политики необходимо осуществление изменений, которые позволят остановить, а в будущем и обратить вспять процесс экономической поляризации. Однако в условиях экономической глобализации это очень сложная задача, так как принятие отдельными странами, например, реформы налоговой системы для более справедливой редистрибуции не приведет к успеху, поскольку капитал будет утекать в государства с более благоприятной налоговой политикой. Это требует действий на международном уровне, что сложно, но не является невозможным.

С другой стороны, в компетенции отдельных стран лежит образовательная политика, которая должна препятствовать распространению ксено-

фобских, расистских и националистических взглядов. Везде, где националисты (пока) не находятся у власти, необходимо повышать общественную чувствительность к данному явлению. Малейшее проявление терпимости в отношении этих взглядов во имя свободы слова представляет угрозу для сущности демократии, поборники которой должны умело взвешивать аргументы, защищать свободу от ее врагов, не поддаваться моральному террору тех, кто использует демократические принципы для прикрытия антидемократических действий.

Также существует необходимость в обдуманном реформировании институтов представительной демократии. Многие из этих институтов были основаны на допущении, что все будут руководствоваться доброй волей и действовать в соответствии не только с буквой закона, но и с духом демократического правового государства. Опыт, в том числе польский, демонстрирует, что так не всегда должно быть. Отсюда вытекает необходимость уточнения правовых норм и устранения в них лазеек, которые искусно используются авторитарными политиками. Помимо этого, крайне важно последовательно привлекать к ответственности тех, кто нарушает закон. Уже были случаи, когда после возвращения демократических групп к власти предыдущие конституционные или гражданско-правовые правонарушения были забыты, что лишь разнуздывало тех, кто подобные нарушения допускал.

Особенно важным является создание или восстановление аутентичной государственной службы – беспартийного государственного аппарата, который лояльно служит каждому правительству и свободен от политических связей, в частности от политически обусловленных карьерных путей.

Крайне важно укрепить (в том числе там, где их восстановление было подорвано) институты верховенства права – независимую судебную власть и свободную от политического давления прокура-

туру. Одной из гарантий их независимости должен стать отказ от обязательной отставки судей (как, например, в Верховном суде США) путем установления процедуры, согласно которой судья, чье состояние здоровья не позволяет осуществлять полномочия, может быть отстранен от должности.

Постулаты расширения прав и возможностей граждан, которые часто чувствуют себя отчужденными и лишенными реального влияния на государственную политику, могут и должны быть восстановлены путем возврата им собственной роли, например посредством хорошо структурированных правил представления важных решений на ре-

ферендуме или конституционно гарантированного права на подачу эффективной гражданской законодательной инициативы.

На мой взгляд, обозначенные меры являются наиболее важными средствами, которые необходимы для обеспечения эффективной защиты либеральной демократии от ее врагов. При этом защита демократии похожа на борьбу с болезнями: предпринимаемые меры не гарантируют полного устранения угроз, но позволяют их эффективно снижать. Нынешний кризис демократии не должен быть ее концом. Он может стать импульсом для ее углубления.

## References

1. Wiatr JJ. *Europa pokomunistyczna: przemiany państw i społeczeństw po 1989 roku*. Warszawa: Naukowe Scholar; 2006. 419 s.
2. Król M. Obyśmy znów nie byli głupi. *Polityka*. 2019;1:17–19.
3. Zakaria F. *The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad*. New York: W. W. Norton; 2007. 304 p.
4. Huntington SP. *Trzecia fala demokratyzacji*. Warszawa: PWN; 1995. 328 s.
5. Bauman Z. Some of the Foremost Challenges to the Status Quo. *Studia Socjologiczno-Polityczne. Seria Nowa*. 2017;2: 31–45. DOI: 10.26343/0585556X20702.
6. von Beyme K. *From Post-Democracy to Neo-Democracy*. Cham: Springer International Publishing AG; 2018. 127 p.
7. von Beyme K. Populism, right-wing extremism and neo-nationalism. In: Wiatr JJ, editor. *New Authoritarianism: Challenges to Democracy in the 21<sup>st</sup> Century*. Opladen: Verlag Barbara Budrich; 2019. p. 9–16.
8. Przeworski A. *Crises of Democracy*. New York: Cambridge University Press; 2019. 250 p.
9. Ryszka F. *Państwo stanu wyjątkowego. Rzecz o systemie państwa i prawa Trzeciej Rzeszy*. Wrocław: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich; 1964. 504 s.
10. Neuman F. *Behemot. Narodowy socjalizm. Ustrój i funkcjonowanie 1933–1944*. Warszawa: Textura; 2016. 734 s.
11. Friedrich CJ, Brzezinski ZK. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Cambridge: Harvard University Press; 1956. 346 p.
12. Linz JJ. An authoritarian regime: Spain. In: Allardt E, Littunen Y, editors. *Cleavages, Ideologies and Party Systems: Contributions to Comparative Political Sociology*. Helsinki: The Academic Bookstore; 1964. p. 291–341.
13. Linz JJ. *Totalitarian and Authoritarian Regimes*. Boulder: Lynne Rienner Publishers; 2000. 343 p.
14. Wiatr JJ. New and old authoritarianism in a comparative perspective. In: Wiatr JJ, editor. *New Authoritarianism: Challenges to Democracy in the 21<sup>st</sup> Century*. Opladen: Verlag Barbara Budrich; 2019. p. 169–181.
15. Maravall JM. Rządy prawa jako broń polityczna. W: Maravall JM, Przeworski A, redaktorzy. *Demokracja i rządy prawa*. Warszawa: Scholar; 2010. s. 253–290.
16. de Tocqueville A. *O demokracji w Ameryce*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy; 1976. 488 s.
17. Przeworski A, editor. *Sustainable Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press; 1995. 156 p.
18. Wiatr JJ. Democracy versus a new authoritarianism in Eastern Europe. In: Kilminster R, Varcoe I, editors. *Culture, Modernity and Revolution: Essays in Honour of Zygmunt Bauman*. London: Routledge; 1996. p. 201–214.
19. Gdula M. *Nowy autorytaryzm*. Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej; 2018. 112 s.
20. Krzemiński I. Antysemityzm narodowo-katolicki. *Gazeta Wyborcza*. 2013, 20 września.
21. Sadurski W. «Nieliberalna demokracja» to polityczny jednorożec. *Gazeta Wyborcza*. 2018, 11 maja.
22. Reykowski J. The Massive Exchange of Elites as a Mean of Formation of the Authoritarian Regime. In: Wiatr JJ, editor. *New Authoritarianism: Challenges to Democracy in the 21<sup>st</sup> Century*. Opladen: Verlag Barbara Budrich; 2019. p. 50–56.

Статья поступила в редакцию 17.04.2019.  
Received by editorial board 17.04.2019.

Перевод с польского языка И. Г. Неделевской<sup>1</sup>.

<sup>1</sup>Илона Генриховна Неделевская – преподаватель кафедры образовательных технологий факультета профессиональной самореализации Гродненского областного института развития образования.

Ilona G. Nedelevskaya, lecturer at the department of educational technologies, faculty of professional self-realization, Grodno Regional Institute of Education Development.